

ИРИНА ЛИННИК

Сборник ирландских сказок

Ирина Линник

Сборник ирландских сказок

«Издательские решения»

Линник И.

Сборник ирландских сказок / И. Линник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937899-6

Бывали ли вы в Ирландии? А знаете ли вы, что она скрывает от обычных людских глаз? Секреты русалок, спрятанные на дне морей, танцы лепреконов и нежная мелодия эльфийской свирели, которая разносится над ночным лесом... Окунитесь в волшебный мир ирландских сказок вместе с этим теплым атмосферным сборником и откройте для себя удивительный сказочный мир.

ISBN 978-5-44-937899-6

© Линник И.
© Издательские решения

Содержание

Мэйди О'Кифф и Речная Дева	6
Часть 1. Деревянный крестик	7
Часть 2. Песня русалки	8
Часть 3. Белая форель	10
Отцовская Шляпа	14
Зеленая Свирель	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сборник ирландских сказок

Ирина Линник

© Ирина Линник, 2018

ISBN 978-5-4493-7899-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мэйдри О'Кифф и Речная Дева

Часть 1. Деревянный крестик

Тиббот О'Кифф жил в маленьком домике почти на самой окраине леса. Хозяйкой в его доме была прекрасная Мэйди, самая улыбчивая и добрая девушка во всем их городке. Тиббот промышлял тем, что отстреливал пушных зверей и продавал шкурки на рынке, а Мэйди иногда отправляла вместе с ним мешочки пахучих целебных трав на продажу. У них была прекрасная и дружная семья, а когда Тиббот возвращался с охоты, он частенько оставался в чаще леса и пел оттуда своей любимой Мэйди перед тем, как показаться ей на глаза. На столе в их домике всегда стояли ароматные лесные цветы, а сама Мэйди подкармливала крошками зябликов и жаворонков.

Однажды Мэйди решила поехать на рынок вместе с Тибботом, чтобы пополнить запасы еды и присмотреть себе несколько обновок. Они условились встретиться ровно в четыре часа у телеги, и Мэйди окунулась в пестрый рыночный мир. Со всех сторон к ней тянули руки и предлагали товары: утки, бусы, вяленые рыбины, кружева. Но внимание девушки привлекла маленькая сухонькая старушка. Она сидела над крохотным деревянным прилавком, на котором лежали грубо вырезанные из камня и кости диковинки: звери и амулеты. Старушка заметила Мэйди и неожиданно протянула к ней руку, а затем поманила к себе. Девушка шагнула вперед, а старушка будто бы этого и ждала. Она тотчас выложила перед Мэйди грубо вырезанный деревянный крестик на простом черном шнурке. Только Мэйди хотела спросить его цену, как старушка тотчас заговорила:

– Покуда твой Тиббот носит этот крестик, ему можно не бояться воды. А уж порвется шнурок – берегись! Тогда и жизни будет мало.

И, не дождавшись ответа от потрясенной Мэйди, старушка вложила ей крестик в ладонь, и словно сквозь землю провалилась.

Когда Мэйди добралась до телеги, часы пробили ровно четыре часа. Тиббот уже стоял там и ждал ее, а увидев любимую, подхватил ее на руки и закружил:

– Ах, Мэйди, что за сделку я провернул! Теперь я буду поставлять шкурки не просто торговцам на рынке, а самому мэру!

И Тиббот тотчас пустился с Мэдди в пляс, а люди вокруг смеялись и убирали с их пути глиняные горшки и клетки с птицей. Когда Тиббот, наконец, отпустил ее, Мэйди, запыхавшись, ответила ему:

– А у меня для тебя тоже кое-что есть, любимый, – и с этими словами она одела ему на шею деревянный крестик. – Пусть он защищает тебя на охоте. «И с ним ты можешь не опасаться воды», мысленно добавила она, хотя и сама не понимала до конца значения этих слов.

Тиббот, однако, рассмеялся:

– Кого же мне бояться, милая? Белок и лисиц?

– Обещай мне носить его в знак нашей любви, – настояла Мэйди.

Тиббот согласно кивнул:

– Будь по-твоему! Ты у меня и так сущее золото, так что мне стоит выполнить такую пустяковую просьбу?

И с этими словами он помог Мэйди взобраться на телегу, уселся сам, присвистнул на их старого мерина и пустил повозку по пыльной дороге обратно к дому.

Часть 2. Песня русалки

Когда Тиббот и Мэйди добрались домой, уже смеркалось. Мэйди на скорую руку развела огонь в печи и поставила тушиться гуся с яблоками, ведь повод был, да еще какой: теперь Тиббот работает на самого мэра!

– Да, милая, – сказал Тиббот, ставя сапоги в угол дома, – теперь я расширю границы своей охоты! Теперь я буду ходить к реке.

А внутри у Мэйди будто струна натянулась: так вот о какой воде предупреждала ее старушка!

– Но, Тиббот, – начала она, ставя на стол посуду, – неужели тебе необходимо отправляться так далеко?

– Милая, – рассмеялся ее муж, – так ведь река не так уж далека! Я буду дома еще до того, как опустятся сумерки.

– А чем плохи уголья в северной стороне? – продолжила Мэйди, ставя перед мужем приборы. – Я слыхала, там водятся лисицы с подшерстком таким густым, что греет в самые лютые морозы.

– Милая, – ответил Тиббот, – я уже решил, что буду ходить к реке. Не волнуйся так, ведь в наших краях нет ни волков, ни медведей, а если есть, так я влезу на дерево и просижу там, пока они не уйдут!

А Мэйди взяла мужа за руку и заглянула ему прямо в глаза:

– Пообещай, что не забудешь о моей просьбе. Носи этот крестик, и я всегда буду спокойна, зная, что ты под защитой.

Тиббот только рассмеялся и поцеловал жену:

– Женщины! Что только вы не придумаете для мужчин! Но для тебя, милая, я исполню эту просьбу.

Так О'Киффы сели за ужин, а после Мэйди расположилась у камина с шитьем, а Тиббот взялся перечитывать книгу о зверях Ирландии, которую за бесценку выкупил у торговца на рынке.

И когда за окном настала ночь, Тиббот и Мэйди заснули крепким спокойным сном, а на груди Тиббота лежал грубо вырезанный из дерева крестик на простом черном шнурке.

А с первыми лучами солнца Тиббот тихонько поднялся, стараясь не разбудить Мэйди, оделся, натянул свои легкие охотничьи сапоги и ушел на охоту. В дверях он задержался, с улыбкой взглянул на спящую Мэйди и подумал: «как же повезло мне с женой!» Затем поцеловал крестик, спрятал его под рубашку и шагнул в лес.

В лесу уже звенели голоса животных и зверей: переливчатые песни жаворонка, стрекот белок, стук дятла. Тиббот же, не останавливаясь, шел к реке, так как охоту свою он твердо решил вести именно там. И когда он наконец туда добрался, был уже полдень и солнце стояло высоко над землей. Тиббот решил передохнуть и присел на берег. Смочив лицо в холодной воде, он напился и наполнил свою флягу, а потом решил провести перед охотой еще пару минут на берегу. Растянувшись на гальке, он вполголоса запел:

Иду к тебе издалека

Любовь моя, дождись

В моей руке твоя рука

И сердце летит ввысь

Пропев эту нехитрую песенку, Тиббот натянул сапоги и уже готов был идти, когда его внимание привлекло странное журчание. Это бы походило на смех, если бы поблизости был человек, но Тиббот на берегу был совсем один. Пожав плечами, молодой человек тронулся

в путь, к кромке леса, а по водной глади пробежала рябь, и на короткий миг на воде показалось нахмурившееся девичье лицо.

Тиббот сдержал слово и вернулся домой еще до сумерек. Мэйди уже поджидала его на крылечке и не смогла сдержать радости, услышав еще издали знакомую песенку. Она выбежала ему навстречу и тотчас упала в его объятия.

– Мэйди, дорогая, – смеясь, сказал Тиббот, – дай же мне разложить добычу. Смотри, сколько мне попало зверей! А по пути я подстрелил еще и пару фазанов, так что у нас будет царский ужин!

– Не нужны мне царские ужины, – отвечала Мэйди, – лишь бы ты каждый вечер возвращался домой целый и невредимый.

И Тиббот всю неделю ходил к реке, каждый раз возвращаясь с богатой добычей. Мэйди уже перестала волноваться, и ей стало привычно проводить вечера на крылечке, поджидая мужа с охоты. И каждый раз ей было спокойно, ведь на нем висел тот самый деревянный крестик. Она почти забыла о старушке и той встрече, и беспокойство почти покинуло ее.

Однажды в среду Тиббот, как и обычно, сел отдохнуть у реки. Он снова завел свою песенку, набрал флягу и снова шагнул в чащу. Неожиданно ему под ноги бросился дикий кролик, Тиббот от неожиданности покачнулся и упал прямоком в огромный куст шиповника, что рос неподалеку. И вот незадача, один из острых шипов порвал тонкий черный шнурок на шее Тиббота, и маленький деревянный крестик запутался в ветках шиповника. Тиббот же, ничего не заметив, встал, проклял всех ирландских богов и был готов уже двинуться дальше, но вдруг услышал тихий голос. Голос этот звал его, Тиббота, по имени, словно старая знакомая, с которой он давно не виделся. И шел этот голос от реки.

– Что за чертовщина, – подумал Тиббот, – ведь там никого не было, когда я уходил!

И он совсем уже решил шагнуть прочь, но вдруг у реки его позвала сама Мэйди!

– Тиббот! – кричала она, – Милый, милый Тиббот!

И Тиббот сломя голову бросился к реке. Что же это? В самой воде стояла его Мэйди, его милая Мэйди, и жалобно тянула к нему руки!

И только Тиббот ступил в воду, как тут же ледяные руки схватили его за щиколотки и раз! – бедняга Тиббот тотчас ушел на дно.

Часть 3. Белая форель

Уже начало смеркаться, а Мэйди так и не слышала пения своего любимого. Она встала с крыльца, обошла кругом дом и уже совсем было отчаялась, когда услышала знакомое посвистывание. Она радостно вскочила, готовая заключить мужа в объятия, но вместо Тиббота увидела на ветке дерева маленького жаворонка. Птичка внимательно смотрела на нее, наклонив голову, и напевала знакомый мотив. Эту песенку всегда насвистывал Тиббот, возвращаясь домой. Мэдди уронила голову на руки и горько заплакала. Она разом вспомнила и старушку на рынке, и ее слова. «Но ведь он ушел с крестиком! – подумала Мэйди- что же произошло с моим Тибботом?»

И едва она это подумала, перед ней села галка, а в клюве у нее был- что бы вы думали? – тот самый деревянный крестик с оборванным черным шнурком!

Тогда Мэйди зарыдала еще сильнее и так она бы прорыдала до самого утра, не будь она ирландкой. А у ирландок сильный дух и еще более сильная любовь. Девушка поднялась с колен, утерла слезы и подняла крестик с земли, где его оставила галка.

– Придется мне самой выручать моего Тиббота, – сказала она сама себе.– Так или иначе, но я пойду к самой реке и выясню, что с ним приключилось.

С этими мыслями она легла спать и уснула на удивление быстро и спокойно. Утром, полная решимости, она собрала маленькую холщовую сумку, положила в кармашек платья крестик и решительно вышла из дома.

До реки она добралась довольно быстро, ведь однажды Тиббот водил ее сюда и показывал ей чудные белые лилии. И только она подошла к берегу, сердце ее замерло: на берегу лежали сумка и шапка Тиббота!

Мэйди бросилась на колени и схватила сумку мужа, прижав ее к груди. Затем она в гневе ударила ладонью по воде и закричала:

– Отдай мне Тиббота! Я знаю, он пропал в этой реке!

Вдруг в воде что-то шевельнулось, словно там, внутри, промелькнула легкая тень.

Мэйди с изумлением увидела, как к самой поверхности воды выплыла белая форель! Форель словно знала, кто такая Мэйди и зачем она пришла. Затем рыба махнула хвостом и ушла на дно, а через несколько секунд вновь вернулась к поверхности.

– Она знает где Тиббот и зовет меня за собой, – догадалась Мэйди. Но только она попыталась шагнуть в реку, вода словно отступила от ее ботинка, и, как девушка не старалась, она и шагу не могла ступить в воду.

Мэйди уже почти отчаялась, как вдруг услышала за спиной тихие шаркающие шаги. Она обернулась – перед ней стояла та самая старушка с рынка!

– Ох, дитя, – грустно сказала она, касаясь лица Мэйди своей ладонью, – речная дева обхитрила меня. Ей удалось порвать шнурок, и теперь твой Тиббот вместе с ней на дне.

– Но что же мне делать? – в отчаянии спросила Мэйди.– Река не пускает меня!

– Она и не пустит, – ответила ей старушка. Эта река не примет живых, а в твоих жилах течет теплая живая кровь. Стань холодной, как морская дева, как эта белая форель, и тогда ты сможешь попасть на дно и отыскать Тиббота.

Мэйди плотно сжала губы, а затем кивнула. Присев, она достала из сумки Тиббота маленький нож с костяной ручкой.

– Это подойдет? – спросила она.

Старушка долго не отвечала, смотря ей прямо в глаза, и Мэйди казалось, будто она видит самую ее суть, саму душу.

– Ты вправду любишь его больше жизни, – наконец сказала старушка. – Да, это очень хороший нож. Отведи руку, чтобы она была прямо над рекой, и ничего не бойся. Ты все вспомнишь, когда увидишь его.

– Вспомню что? – хотела спросить Мэйди, но тут старушка ударила ее ножом прямо по руке, а затем растворилась в воздухе. Девушка хотела закричать от боли, но вместо это стиснула зубы. «Тиббот, – подумала она, – я нужна Тибботу». И она мужественно терпела боль.

Однако по мере того, как краснела вокруг Мэйди вода, ее воспоминания стали слабеть. И когда последняя капля крови упала в воду, холодная Мэйди без сознания упала прямо в реку, и течение увлекло ее на самое дно.

Часть 4. Память

Когда Мэйди открыла глаза, перед ней колыхалась темно-зеленая стена. Она словно очутилась внутри огромного тусклого изумруда, только то была речная вода. Однако через некоторое время глаза девушки привыкли к тусклому свету, и она стала различать темные силуэты вокруг: водоросли, причудливые камни, диковинные раковины. Вдруг перед ней мелькнула белая тень: белая форель очутилась перед самым ее лицом. Мэйди удивилась: она отродясь не видела белой форели, а тут прямо перед ней настоящая и правда вся белая, ни единой темной чешуйки! Форель же отплыла немного и тотчас вернулась назад, и так она плавала несколько раз, пока Мэйди не догадалась, что форель зовет ее за собой. Девушка не могла понять, что же понадобилось форели от нее, однако она послушно пошла прямо по речному дну вслед за форелью.

Речное дно было выстлано мягким илом, и Мэйди, сняв ботинки, пошла босиком. По пути она вертела головой, стараясь рассмотреть всех странных существ, что окружали ее. Причудливые тритоны, речные угри, стайки мелких рыбешек – все это забавляло девушку. Она не помнила, как очутилась на дне, но продолжала идти за белой форелью, гадая, куда она ее приведет.

Наконец они остановились возле речного грота. Вход в него был перегорожен острыми высокими камнями. Форель проскользнула внутрь без труда, а Мэйди с трудом перелезла через камни. Острые выступы царапали ее, но из царапин не вытекло ни капли крови.

Преодолев вход, Мэйди и форель очутились в просторном зале пещеры. Стены пещеры были украшены диковинками из мира людей: трубками, флягами и даже парой шляп с перьями. А в середине зала стояла бледная девушка со светящейся кожей и длинными зеленоватыми волосами. Она заливисто смеялась, наблюдая, как дюжина больших тритонов старается выбраться из загончика на полу. Вдруг девушка резко обернулась, и Мэйди увидела пару горящих красноватых глаз на худеньком лице девушки. Девушка зашипела и в мгновение очутилась прямо напротив Мэйди:

– Явилась спасти своего суженого? Он здесь, в этой пещере! Узнаешь его – я позволю вам двоим уйти, но ты должна будешь оставить мне что-нибудь взамен!

Мэйди не понимала, о ком идет речь, но послушно кивнула. Ей было интересно смотреть на украшения на стенах, а если девушка с зелеными волосами хочет, чтобы Мэйди кого-то нашла: что же, она не против такой игры.

Девушка начала обходить пещеру, а русалка не спускала с нее глаз. Как только белая форель пыталась подплыть к Мэйди, русалка тотчас начинала злобно шипеть, и форель отступала.

– Не мешай! – крикнула русалка. – Она должна справиться сама!

Мэйди только хотела обернуться и спросить, с чем же она должна справиться, как вдруг девушка споткнулась и упала прямо на пол пещеры. Из кармашка вылетел деревянный крестик и упал неподалеку, возле кучки разноцветных раковин и камушков. Увидев его, лицо русалки исказилось яростью, и она кинулась к Мэйди, но белая форель преградила ей путь. Русалка клацнула зубами и вернулась назад.

– Ей ни за что не найти его, – прошептала она, – ни за что. Даже старая карга не поможет ей здесь, в моем царстве!

А Мэйди уже подняла крестик и собиралась вставать, но внимание ее привлекли ракушки и камушки. Что-то влекло ее к ним, и она, не задумываясь, выбрала одну, самую неприметную. Русалка вновь кинулась к ней, но было поздно. Из ракушки показался крохотный рак-отшельник, и сердце Мэйди сделало первый удар.

Воспоминания стали возвращаться к ней со стремительной силой, и так же быстро начало теплеть ее тело.

– Тиббот! – закричала она, и вдруг ракушка в ее руке треснула, и вот перед ней уже стоит ее Тиббот.

Но глаза его были закрыты, а тело холодное, как лед. Русалка рассмеялась.

– А я говорила про обмен, девочка! Его сердце все еще у меня, и ты не получишь его, пока не отдашь мне что-нибудь равноценное!

Мэйди на секунду задумалась, а потом решительно ответила:

– Я отдам тебе свою душу.

Русалка замерла и облизнулась. Какой ценный, какой редкий дар – человеческая чистая душа! Душа самой Мэйди О’Кифф!

– Я согласна, – с нетерпением сказала русалка и протянула вперед худую тонкую руку. – Давай же ее сюда скорее!

Мэйди нежно коснулась щеки любимого, а потом повернулась обратно к русалке и твердо сказала:

– Я, Мэйди О’Кифф, отдаю тебе, морская дева, свою душу, в обмен на сердце моего любимого Тиббота, и требую вернуть его к жизни!

Тут же от тела Мэйди отделился ослепительный белый шар и медленно поплыл к русалке. Та собиралась сжать его в кулаке, но отдернула руку и завопила от боли. Как русалка не старалась, она не могла даже притронуться к душе Мэйди, не то что схватить ее.

– Ты обманула меня, проклятая девчонка! – завопила она и кинулась к Мэйди, но тут между ними выросла темная тень. Старушка с рынка, которая теперь была одета в шелк и жемчуг, сурово посмотрела на морскую деву.

– Душа этой девушки слишком чиста для тебя, – сказала она, – но Мэйди выполнила свою часть уговора. Отдай сердце Тиббота.

– Пока душа не у меня, сердца вам не видать! – ответила русалка, но тут Мэйди впала в ярость:

– Ах, не видать нам сердца? Так я сама отдам тебе свою душу! – и силой вложила ее прямо в руку русалки. Та истошно завопила, и в тот же миг сгорела в ярком белом пламени. И только пламя погасло, Тиббот сразу открыл глаза.

– Где это я? И почему ты здесь, любимая? – ничего не понимая, спросил он.

– Пора вам возвращаться, – сказала старушка и по очереди поцеловала Мэйди и Тиббота в лоб. – Мы еще встретимся, Мэйди. Ты поступила очень храбро.

И не успела Мэйди ей ответить, как мир перед ее глазами завертелся, и она потеряла сознание.

Когда Мэйди открыла глаза, Тиббот был прямо над ней и бережно гладил ее волосы.

– Мэйди, ты очнулась! – с облегчением сказал он, прижимая ее к себе. – А я совсем ничего не помню, помню только, что ты была у реки и звала меня, а потом мы оба очутились на дне, а потом я проснулся на берегу вместе с тобой. Неужели ты так волновалась, что пошла искать меня?

Мэйди запустила руку в кармашек платья и достала крестик.

– Ты забыл его дома, – ответила она и одела мужу крестик на шею. – И я просто хотела сказать тебе, что очень по тебе соскучилась.

– Ах, моя милая любимая Мэйди, – засмеялся Тиббот.– Пошли-ка домой. Я, пожалуй, возьму перерыв от охоты, да и к реке ходить далеко. Буду, как и раньше, охотиться вблизи от дома. Мэру этого хватит.

Мэйди улыбнулась, обняла мужа, и они пошли к дому. В реке плеснула хвостом белая форель и обрызгала платок старушки, которая стояла на самой воде.

– Любовь делает самую обыкновенную душу самой яркой, – сказала она, обращаясь к форели. – Такая любовь обжигает недругов и греет любимых. Такая любовь определяет добро и зло. Будьте счастливы, Мэйди и Тиббот О’Кифф!

И с этими словами старушка исчезла, оставив после себя легкую рябь.

Отцовская Шляпа

Не было такого вечера в той тихой деревушке на севере Ирландии, которую бы Кейси Доннелли не проводил в своем излюбленном пабе «Кобыла и Трилистник». Как только опускались сумерки, он тотчас распахивал дверь паба, ударял по барной стойке старой отцовской шляпой и сходу заказывал пинту темного эля. Затем Кейси заказывал еще пинту, принимался отвешивать комплименты Этне, которая работала в пабе вместе с отцом и двумя братьями, а затем уже, изрядно захмелевший, взбирался прямо в башмаках на один из столов и начинал рассказывать свои небылицы о встречах с эльфами и лепреконами.

Все в пабе знали Кейси и посмеивались над ним, а, бывало, и проставляли ему кружку-другую пива, что делало истории еще более увлекательными. Но случилось однажды так, что в тот вечер в паб зашел путешественник, не знакомый с местными порядками и с самим Кейси. И когда Доннелли в очередной раз взобрался на стол и начал рассказывать всем, как танцевал с самой королевой эльфов под луной, неизвестный путешественник громко и отчетливо сказал:

– Ха!

В пабе все стихло. Никто еще не осмеливался так открыто признать, что Кейси Доннелли несет совершеннейшую чушь, и все, затаив дыхание, ждали, что же будет дальше. Сам Кейси, несколько не смутившись, хлебнул эля, спустил ноги со стола и в упор поглядел на путешественника.

– А ты, стало быть, не из наших земель? – спросил он, поглаживая поля шляпы.

Путешественник только пожал плечами и отхлебнул своего пива.

– И в эльфов ты, значит, не веришь?

– В эльфов я верю, – твердо ответил ему странник, – но вот ни за что не поверю, что сама королева эльфов согласится отплясывать под луной с таким пьяницей, как ты!

– А в лепреконов тоже не веришь? – продолжал допрашивать его Кейси, все так же поглаживая полы своей старой шляпы.

– И в лепреконов верю, но ни за что не поверю, что лепреконы отдадут свое золото в руки такому пьянице как ты!

Кейси крепко задумался, да так крепко, что забыл хлебнуть эля. В пабе повисла тишина. Все знали, что Доннелли острый на язык и что никто еще не смел усомниться в правдивости его слов.

– А что, если... А что, если я принесу тебе настоящего лепрекона вот в этой самой руке, в которой я держу сейчас кружку? – спросил Кейси у путешественника.

– Тогда, – так же твердо ответил путешественник, – я куплю тебе бочонок лучшего эля, который только тут найдется.

– По рукам! – хлопнул его Кейси по плечу. – Завтра ровно в этот же час я приду сюда с чертовым лепреконом в руке, а уж если я не сдержу свое слово, то не видать мне эля целый месяц!

Весь паб одобрительно загудел: еще бы, Кейси Доннелли, главный пьяница деревни, не будет пить эль целый месяц! На такое любой бы посмотрел, даже путешественник с другого конца Ирландии!

И под всеобщие подбадривающие крики, Кейси Доннелли нетрезвой походкой вышел из бара и отправился напрямик на луг на окраине деревни, где, по слухам, лепреконы закапывали свое золото прямо под лютиками.

Всю ночь и все утро провел Кейси на лугу, но на глаза ему попались только несколько полевков и дикий кролик. В полдень он сходил домой перекусить, захватил с собой флягу с пивом и вернулся обратно на луг, где продолжал поджидать лепреконов.

Вот уже настало 3 часа после полудня, и 4 и 5, а проклятых лепреконов было не видно. Кейси уже успел задремать, как вдруг его разбудил тихий звон. То было похоже на маленькие серебряные бубенцы, которые еще влетают в гриву коням на ярмарке. Кейси весь обратился в слух, а звон между тем становился все отчетливее и отчетливее. И вскоре прямо перед носом Кейси выскочили – кто бы вы думали! – тройка самых что ни на есть настоящих лепреконов! На их ногах были крохотные деревянные башмачки с бубенцами, и лепреконы отплясывали в них, а один из них играл на маленькой флейте. Лепреконы не замечали ничего вокруг и продолжали плясать, но тут уж Кейси не растерялся! Он накинуд свою шляпу прямо на маленьких танцоров, а потом раз! – и перевернул ее. Тотчас на землю соскочили двое лепреконов и выпустили в лютики что есть духу, а третий лепрекон, который играл на флейте, остался прямо у Кейси в руке. Лепрекон нахмурился и тоненьким голосом сказал:

– Чего тебе, человек? Наверняка хочешь найти знаменитое золото лепреконов. Или может быть, тебе захотелось научиться играть на нашей волшебной флейте?

– Не обижайся, дружище, – поспешно сказал Кейси, намереваясь привести лепрекона в доброе расположение духа, – но я всего-навсего поспорил, что сегодня вечером приду в бар «Кобыла и Трилистник» с настоящим лепреконом. Тебе всего-то и нужно, что составить мне компанию на часок, а уж потом будь горазд идти на все четыре стороны.

Лепрекон задумался, а потом на его маленьком лице появилась улыбка:

– Я согласен пойти с тобой, Кейси Доннелли, но в обмен я кое-что у тебя попрошу.

– Все, что угодно! – закричал Кейси, слишком обрадованный согласием лепрекона.

– Отдай мне свою старую шляпу, и мы будем в расчете, – сказал лепрекон и гнусно захихикал.

Кейси до того обрадовался, что, не задумываясь, сорвал шляпу с головы. Он-то уж думал, что мерзкий лепрекон потребует у него дом, скотину или, не приведи Господи, его подвал с пивом! А ему всего-то и нужна была старая отцовская шляпа!

– Э нет, Кейси Доннелли! – сказал ему лепрекон, – Шляпу ты мне отдашь в пабе, после того, как я предстану перед честным человеком!

– Дело твое, – пожал плечами Кейси, – однако нам пора в путь. Скоро станет темно, а я почти уже должен быть в пабе.

И, посадив лепрекона на плечо, Кейси отправился к «Кобыле и Трилистнику». А лепрекон сидел у него на плече, раскуривал свою трубку и мерзко улыбался.

А в пабе яблоку негде было упасть. Весть о том, что Кейси Доннелли, самый пьяный ирландец деревни, придет в паб с живым лепреконом, разнеслась по округе со скоростью пожара. И стар, и млад пришли в паб, и хозяин заведения, крепкий и огненно-рыжий Финн Макдоналд, не успевал подсчитывать выручку.

– Вот бы каждый раз этот пьянчуга Доннелли бахвалился притащить к нам в паб лесную нечисть, так нам можно было бы и работать раз в неделю, столько он выручки приносит! – обратился он к своей дочери Этне. Этна собиралась рассмеяться, но вдруг глаза ее округлились и звонким девичьим голоском она закричала на весь паб:

– А вот и Доннелли!

Все разом смолкли и глядели на Кейси, который важной походкой подошел к стойке. Он сел на любимый стул, ударил по стойке шляпой, а с его головы соскочил самый настоящий лепрекон в зеленом костюме и деревянных башмаках с бубенцами!

Тут же в баре поднялся такой гвалт и шум, которого не слышать было даже на свадьбе Патрика и Мэри, а уж они устроили знатный праздник! Все, кто был в пабе, хлопали Доннелли по плечам, трясли его за руку и угощали выпивкой. А лепрекон невозмутимо сидел на перевернутой пустой кружке и покачивал ногой в деревянном башмачке. Наконец к Кейси подошел тот самый путешественник и, качая головой, пожал ему руку.

– Вот уж не думал, что господин лепрекон свяжется с таким пьяницей как ты, – сказал он и слегка поклонился лепрекону. – Однако свое обещание я сдержу. Господин управляющий, я покупаю у вас бочонок вашего лучшего эля для Кейси Доннелли.

– А за этим пьяницей должок! – заявил вдруг лепрекон и свистнул, да так громко, что у старика в самом углу паба очки треснули.

– Кейси Доннелли! – заявил лепрекон и наставил палец прямоком тому на нос, – не забыл ли ты о нашем уговоре?

– Не забыл, господин лепрекон! – ответил ему Кейси, опьяненный элем и всеобщим вниманием, – отдаю тебе в качестве оплаты и благодарности старую шляпу моего отца!

И он тотчас подкинул шляпу в воздух, а лепрекон подхватил ее за самый уголок.

– Однако, – вдруг сказал лепрекон, – я задержусь в этом славном пабе еще на пару минут. Тут у нас намечается интересная история.

Все в пабе смолкли. Лепрекон между тем достал из пиджака маленький ножичек и вспорол поля шляпы, а оттуда вылетел пожелтевший лист бумаги, исписанный сверху донизу. И, прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, лепрекон взял лист в руку и начал читать, да так громко, что каждое слово можно было слышать в самом дальнем уголке паба:

– Я, Ангус Доннелли, завещаю моему сыну Кейси Доннелли долю в пабе «Кобыла и Трилистник» и все мои накопления в банке в надежде, что он использует эти средства с умом и пустит в деловой оборот. Для того, чтобы считаться полноправным владельцем вышеуказанного состояния, Кейси Доннелли обязан предъявить эту бумагу владельцу паба Финну Макдоналду и управляющему банком Джеду О’Рурку. А ежели сын мой Кейси Доннелли в течении трех месяцев от прочтения моего завещания не предъявит бумагу, прошу все мои средства раздать сиротам и бедствующим, а долю в пабе отдать моему другу и названому брату Финну Макдоналду. Ангус Доннелли, подпись.»

Тишина в пабе стала почти осязаемой, и слышно было лишь, как какая-то одинокая муха бьется о край стакана. Никто ничего не мог сообразить, и только через пару секунд до Кейси дошло, что только что гнусный лепрекон прочел завещание его покойного батюшки Ангуса! И только Кейси протянул руку, намереваясь схватить лепрекона, как тот одним движением руки разорвал листок бумаги, а затем напялил шляпу и вместе с обрывками завещания со щелчком исчез в воздухе, при этом мерзко хихикая!

Тут уже весь паб загудел, да так громко, как не гудел даже до прихода Кейси. Бедняга Доннелли сидел ни жив ни мертв: шутка ли, лишиться целого состояния! У него перед носом уже выстроилась армия кружек с элем от сочувствующих, да возле стула стоял обещанный бочонок, но ни капли не лезло ему в горло.

И с того самого дня Кейси стал все реже заходить в паб «Кобыла и Трилистник», а если и заходил, то зарекся рассказывать небылицы про эльфов и лепреконов. Он больше слушал и только усмеялся, когда кто-то начинал хвалиться, как чуть было не поймал лепрекона. Уж кто-то, а Кейси Доннелли узнал, что с маленьким народцем шутки плохи.

Зеленая Свирель

Келли О'Доэрти была чудо как хороша, и когда она проходила мимо, уж вам-то было на что поглядеть! Волосы у нее полыхали словно пламя, глаза были как два огромных изумруда, а возле вздернутого носика была россыпь веснушек. Келли задорнее всех плясала на праздниках, лучше всех вела хозяйство и в целом слыла лучшей невестой в округе. Уж сколько парней с ног сбилось, стараясь привлечь ее внимание, и не сосчитать, а только вот Финн Маккенна был самым упорным из них. Он поднимался раньше всех на рассвете, чтобы к пробуждению Келли на окне ее домика стоял букет цветов с утренней росой, провожал ее по вечерам, чтобы к ней не прицепилась никакая нечисть, и уж в целом обхаживал так, что хоть завтра бери и выходи за него замуж. Однако Келли прославилась не только небывалой красотой, но и дурным, вздорным характером. Над всеми ухаживаниями своих воздыхателей она только посмеивалась, а однажды и вовсе сказала такое, что, как ни крути, а выполнить ну никак нельзя:

– Кто хочет моей руки, – громко заявила Келли, сидя в трактире в самом центре их небольшого городка, – тот пусть сделает так, что мой дубовый стол зацветет трилистником! И тогда без промедления стану я женой этого человека.

Лица у всех ее ухажеров тотчас сделались такими, словно они хлебнули вместо эля кислого укуса. Один только Финн не смутился, а подошел к ней вплотную, совсем близко, и прищурил глаза:

– И ты даешь свое слово, что сдержишь обещание и выйдешь за того, кто заставит дубовый стол зацвести клевером?

– Даю слово, Финн Маккенна, – засмеялась Келли, – что буду женой того, кто исполнит мое желание.

Тут уж все в трактире разом захохотали: виданное ли дело – заставить сухое дерево цвести!

А Финн, ничего не говоря, вышел из трактира, хлопнув дверью, и направился к старой кузнице на отшибе.

В кузнице этой работал его лучший друг и советчик Патрик Фланаган, который был горазд работать и руками и головой. Увидев спешно идущего к нему Финна, Патрик обтер громадные ручищи о кожаный передник и приветственно помахал ему:

– Эгей, Финн! – прогудел кузнец. – Сдалась твоя красотка или придумала новую отговорку?

Финн молча проследовал в самый угол кузницы, опустился на колченогий табурет и достал из-за пазухи флягу, а потом сделал жадный глоток. Кузнец почтительно наблюдал за этим обрядом, а потом сел рядом и налил себе из небольшого бочонка кружечку пива.

– Допекает она тебя, – снова прогудел он и хлопнул Финна по плечу. – Но ты молодец! Не опускаешь руки. На вот, хлебни. Жена варила.

И он протянул Финну огромную кружку, до краев наполненную янтарным пивом.

– Эх, дружище Патрик, – ответил ему Финн, – мне сейчас не то что твоего пива, мне сейчас ничего не хочется, а только взять и удавиться. Сказать тебе, что взбрело в ее прекрасную рыжую головку? Заставь, говорит, дубовый стол зацвести трилистником!

Тут уж Патрик закашлялся и кашлял так громко и так натужно, что Финн все ладони отбил, пока хлопал его по спине. От такого расстройства кузнец налил и себе, и другу еще по кружечке пива и крепко задумался.

– Выход у тебя, дружище Финн, есть, да только он тебе не понравится.

– Я сейчас, дружище Патрик, на что угодно соглашусь, да только нос Келли утру, – ответил Финн. – Измотала она мне всю душу, но не будь я Маккенна, если не заставлю ее стать моей!

– Вот это я понимаю, вот это мой Финн! – радостно прогудел кузнец и стукнул Финна по спине.-А теперь слушай внимательно, да не пропусти ни словечка. Слыхал я от жены, что каждую ночь, ровно в час, эльфы выводят своих коней на пастбище, а пастбище это – тот самый луг, где мои девочки плетут себе днем венки из ромашек и лютиков. И вот эти самые эльфийские кони пасутся там до первых петухов, а когда светает, тут уж каждый эльф хватается за гриву своего коня и напрямик домой, в королевство эльфов.

– А мне-то какой от них толк? – спросил Финн.– Разве королева эльфов подарит мне зачарованный дубовый стол, который по моему желанию будет цвести?

– А ты не перебивай, торопыга, – степенно ответил Патрик и вытер усы тыльной стороной ладони.– Так вот, значит. И попасть к себе домой эльф может только на спине своего коня, а иначе скитаться ему по нашей земле до скончания века. А у каждого эльфа, как говорила моя Роза, есть волшебная зеленая свирель, которая вдохнет жизнь в любое существо и предмет, да хоть в твой дубовый стол!

– И выходит, – задумался Финн, – мне всего-то и нужно, что обменять коня на свирель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.